

Чжан Сяньчжоу всё-таки подсказал Цзянь Наню решение:

— Слушай, а в том шоу, где ты участвуешь... разве у тебя под боком нет готового наставника? Я вот думаю: тот, за кого ты отвечаешь, — разве он не признанный мастер?

Одной фразой — и словно разбудил от сна.

Иногда ведь именно так и бывает: находишься внутри горы и не видишь самой горы.

Цзянь Нань помедлил:

— Но... он вообще станет меня учить?

Чжан Сяньчжоу глухо усмехнулся:

— А это разве не то, что надо самому выбивать? Ты ж каждый день возле него — то туда, то сюда, всё на побегушках. Даже если у старика сердце из железа, всё равно хоть немного да расплавится, разве нет?

— ...

Практика, впрочем, доказала: сердце у господина Лю — нерасплавленное.

— Я не учу! — донёсся из двора громкий, полный сил голос старика. — Ищи кого хочешь, мне всё равно! Я не способен учить!

Цзянь Нань неловко застыл на месте, но всё же искренне сказал:

— Может, я вам чем-то не угодил? Вы скажите — я исправлюсь. Правда.

Лю Юцин с ног до головы окинул его взглядом и фыркнул:

— А что тут объяснять? Говорят же — ремеслу учатся с малых лет. В твоём возрасте ты уже мне в невестки годишься. Чему мне тебя учить?

— ...

Цзянь Нань не сдавался:

— Но ведь можно стараться, начиная хоть с послезавтра, правда?

Лю Юцин холодно усмехнулся:

— Не нужно. Я стар, ждать твоих стараний мне некогда. Да и на рынке наверняка найдутся люди, готовые тебя учить. Зачем ты лезешь к старику и сам себе настроение портишь?

Цзянь Нань молча налил ему чаю:

— Я хочу учиться у вас. Дайте мне хотя бы шанс.

— Сказал — нет, — Лю Юцин взял чашку. — Будешь надоедать — выметайся.

...

Ладно.

Зрители в прямом эфире отреагировали по-разному:

«Почему Цзянь Наню так приспичило учиться?»

«Если честно, он и правда мешает пожилому человеку».

«Да даже если научится — что дальше, профессию сменит?»

«Вау, вам всем больше заняться нечем? И это обсуждать?»

Цзянь Нань сидел рядом с Лю Юцином, слушал, как из радиоприёмника тянутся протяжные, переливчатые оперные напевы, и сам не заметил, как заслушался. Он подумал: раз уж решил войти в это ремесло, то даже если старик не поможет, сидеть сложа руки нельзя — онлайн-курсы тоже подойдут.

Лю Юцин прикрыл глаза, отдыхая. Когда же открыл их, увидел, что Цзянь Нань, слушая оперу, одновременно учится по телефону.

Старик медленно заговорил:

— Ты понимаешь, что слушаешь?

Цзянь Нань поднял голову. Видя, что тот сам заговорил, он обрадовался:

— Понимаю. Раньше бабушка любила слушать, я вместе с ней слушал.

Лю Юцин удивился:

— Твоя бабушка тоже пела оперу?

Вот это «тоже» прозвучало особенно выразительно.

Цзянь Нань, конечно, не мог сказать, что речь идёт о бабушке Ли Чуаня, поэтому лишь неопределённо кивнул:

— Эм... да. Моя бабушка тоже пела.

...

Лю Юцин с подозрением глянул на него.

В чате трансляции тоже зашевелилось любопытство:

«Он правда разбирается?»

«Да он притворяется. Слишком уж нишевая штука, обычному человеку не понять».

«Цзянь Нань, я вообще в шоке. Ну снимаешь ты шоу — и снимай, к чему весь этот цирк?»

Но старик неожиданно поднялся и сказал:

— Пойдём со мной.

Цзянь Нань встал и пошёл следом. Он знал: эта дорога ведёт к кладовке. Но зачем старик ведёт его туда? Неужели... согласился учить?

В конце концов старый и молодой остановились у дверей кладовки.

Лю Юцин открыл дверь и впустил Цзянь Наня:

— Посмотри. Сколько вещей тут сможешь узнать?

...

Весь склад был заставлен старинными предметами. Лю Юцин открыл один из ящиков и подозвал его:

— Давай.

Цзянь Нань наклонился. С первого взгляда его поразило богатство содержимого: целый ящик цянью — украшений с перьями зимородка, преимущественно в синих тонах, самых разных форм. Орнаменты цянью обычно плотные, сплетённые из множества мелких и крупных перьев, но при этом совсем не выглядят вычурно. А после лет, прошедших сквозь время и историю, они казались ещё более драгоценными.

Хотя вещи были старыми, некоторые формы и узоры Цзянь Нань всё же узнал. Он указал на украшение, напоминавшее феникса с зимородком:

— Чжэнфэн.

Веки Лю Юцина слегка дрогнули, но он промолчал.

Оператор подошёл ближе, навёл фокус, позволяя всем увидеть красоту и изящество национального искусства.

Цзянь Нань присел у ящика, разглядывая всё с осторожностью и уважением:

— Я помню одну пьесу — «Небесная Дева Разбрасывает Цветы». Там как раз использовали чжэнфэн. Пела дань — было невероятно красиво.

— Ещё? — спросил Лю Юцин.

— А это — шпилька «тыква-горлянка», — глаза Цзянь Наня прищурились в улыбке. — Раньше бабушка мне показывала. Форма ведь как у тыквы, поэтому хорошо запомнил.

Лю Юцин холодно усмехнулся.

В нескольких ящиках поодаль хранились театральные костюмы. В ту эпоху их шили с исключительной тщательностью: каждый стежок — результат труда и сердца вышивальщиц. Пусть в головных уборах Цзянь Нань разбирался не полностью, но в костюмах он был почти наполовину профессионалом.

— Какие плотные стежки... — он бережно держал край одеяния, разглядывая узор феникса, и, дойдя до глаз, не удержался от восхищённого цоканья. — Вот тут, правда, глаза обработаны неидеально.

Лю Юцин заинтересовался. Он нахмурился:

— Что значит «неидеально»? Ты вообще знаешь, сколько стоит этот костюм?

Цзянь Нань чётко отделял одно от другого. Он снова присел и спокойно объяснил:

— Глаза — самое сложное, они сильнее всего проверяют мастерство. У этого феникса глаза тёмные, и если хочется, чтобы он выглядел живым, здесь обязательно нужна вышивка «закрученной иглой», слой за слоем, медленно выводя форму. А тут обработка сделана не лучшим образом. Этот феникс изначально мог быть куда лучше.

Лю Юцин некоторое время молча смотрел, потом спросил:

— Сможешь исправить?

— Смогу! — Цзянь Нань мгновенно оживился. — Я могу вам его переделать?

Лю Юцин вынул костюм, в его взгляде промелькнула тоска по прошлому:

— Это был один из её любимых. Если сможешь — исправляй.

Цзянь Нань закивал так быстро, словно боялся, что тот передумает:

— Я смогу!

Увидев его восторженный вид, Лю Юцин фыркнул:

— Даже если сделаешь хорошо, в ученики я тебя не возьму.

Цзянь Нань лишь легко улыбнулся:

— Я просто попробую.

Иногда бесстыдство — самое мощное оружие. Умение Цзянь Наня «прилипнуть» к людям проявилось ещё в детстве, когда он был рядом с Ли Чуанем. Если он выбирал цель, то шёл к ней, не считаясь с потерями — словно дикая трава, способная выжить в самых суровых условиях. Стоило дать ему хоть каплю света и дождя — и он цеплялся за этот шанс, разрастаясь без удержу.

— Тогда попробуй, — сказал Лю Юцин.

С этого дня Цзянь Нань начал работать без разделения на день и ночь. Времени было катастрофически мало: съёмки уже входили в финальную стадию, счёт шёл буквально на дни. У него был всего месяц. Пусть это казалось почти невозможным, но он не хотел отказываться от проекта «Облака и Дым Столицы», не хотел упускать ни одного с таким трудом доставшегося шанса. Даже если оставалась лишь тонкая нить надежды, он был готов вцепиться в неё обеими руками.

Вышивка — это то, что на словах кажется понятным, а на деле оказывается мучительно сложным. «Исправить линии» звучит просто, но сделать это невероятно трудно. У каждой вышивальщицы — свой подход, а нить здесь тянет за собой всё остальное: стоит дёрнуть в одном месте — и рассыпается вся конструкция. Ценность театрального костюма невозможно измерить деньгами, и одна ошибка способна уничтожить его полностью. Цзянь Нань просидел с одеянием всю ночь, изучая, откуда начать, но так и не решился сделать первый стежок.

На следующее утро.

— Уже переделал? — спросил Лю Юцин, заваривая чай.

Цзянь Нань вошёл с тёмными кругами под глазами. На носу у него были очки — впервые он появился перед камерой в таком виде. Серебристая оправа с округлыми линзами подчёркивала его светлое, аккуратное лицо, придавая ему мягкий, интеллигентный вид.

Зрители тут же оживились:

«Нань-Нань в очках!»

«Ему очень идёт».

Лю Юцин тоже заметил:

— Ты в очках?

— Да, глаза немного побаливают, — Цзянь Нань поправил оправу, стараясь не придавать значения. — Ничего серьёзного, отдохну — и пройдёт.

...

Лю Юцин слышал, что у некоторых вышивальщиц портится зрение, но Цзянь Нань ведь не вышивальщица. Да и возраст у него совсем молодой — с чего бы глазам болеть?

Старик задумался, но вслух ничего не сказал.

Рядом с Цзянь Нанем стоял ящик. Он устроился в беседке во дворе и снова достал халат, продолжая изучать его:

— Дайте мне ещё два дня. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Лю Юцин скользнул по нему взглядом:

— Я людей не мучаю. Не найдёшь решения — просто вернёшь обратно.

Цзянь Нань всё же хотел попробовать ещё:

— Я... ещё немного постараюсь.

В чате прямого эфира нашлись и те, кому это уже не нравилось:

«Нет алмазного сверла — не берись за фарфор».

«А если он всё испортит, кто отвечать будет?»

«Он же сам сказал, что дилетант. Совсем без чувства меры?»

Цзянь Нань, однако, намеревался идти до конца, упрямо вгрызаясь в этот костюм. Он как раз размышлял, когда зазвонил телефон. Взглянув на экран, он замер: звонила мать.

Честно говоря, это было немного грустно. Разговоров у них всегда было мало, а звонки и вовсе

случались редко — раньше за год их можно было пересчитать по пальцам. Обычно он звонил сам, да и то чаще всего без ответа.

Но после развода, сам он того не понимая, отношения с Цю Кайди словно смягчились. Звонков стало больше, и несколько раз она даже звонила ему первой.

Помедлив, Цзянь Нань ответил:

— Алло, мам.

Цю Кайди откликнулась и сразу сказала:

— Открой видеозвонок в WeChat, покажи мне этот костюм. Снимай крупно, чтобы было видно направление стежков. И сам пока ничего не трогай.

Цзянь Нань застыл. В душе мелькнула догадка, но он не осмелился в неё поверить и тихо спросил:

— Ты... хочешь посмотреть для меня?

Голос Цю Кайди был жёстким:

— Давно не касалась такого. Просто стало интересно.

— Ага... — Цзянь Нань неловко улыбнулся. — Мой уровень и правда ещё далёк от идеала. Я думал: если в конце концов не найду решения, значит, так тому и быть. Но потом понял, что... как-то стыдно будет, будто я тебя опозорю.

На том конце линии повисла тишина.

Через несколько секунд Цю Кайди холодно произнесла:

— Ты никогда не был для меня поводом для позора.

<http://bllate.org/book/12642/1121330>